

Боровиковский, Александр Львович, - известный юрист (1844 - 1905), сын малорусского писателя Льва Боровиковского (см.). По окончании курса на юридическом факультете Харьковского университета был оставлен для приготовления к занятию кафедры истории русского права, но в 1868 г. вступил в адвокатуру. Позднее был последовательно товарищем прокурора спб. окружного суда, присяжным поверенным в С.-Петербурге, членом одесской судебной палаты (в это время читал лекции по гражданскому праву и процессу в Новороссийском университете), помощником статс-секретаря государственного совета, обер-прокурором гражданского кассационного департамента и, наконец, сенатором того же департамента. Имя его сделалось символом судьи скорого, правого и милостивого. Он воплотил эти начала судебной реформы 1864 г. в массу судебных решений и научно-практических статей, затрагивающих наиболее живые вопросы русской судебной практики. Свои судейские идеалы Боровиковский развил подробно в замечательных книжках, изданных под заглавием "Отчет судьи" (3 вып., СПб., 1891, 1892 и 1894), особенно в помещенной здесь статье "Закон и судейская совесть". Руководящим началом деятельности судьи Боровиковский считает начало справедливости, как наиболее надежное и постоянное средство интерпретации закона. Развивая это положение, Боровиковский возвышается до идеалов римской *aequitas* и английского суда справедливости. "Все законодательные определения о гражданско-правовых отношениях, - говорит Боровиковский, - рассчитаны на добросовестность и правдивость контрагентов... Рядом две сделки, одинаковые по внешним признакам. Обе требуют применения к ним одного и того же закона. Но в одном случае сделка добросовестна и правдива, в другом она лишь замаскированная злонамеренность и ложь. Оставаясь слепым рабом буквы, а не разума закона, судья может попасться в ловушку и, пожалуй, будет даже утешать себя мыслью, что исполнил свой долг "точным применением" закона. Но такой взгляд, очевидно, ошибочен: закон не соблюден, а нарушен, - ибо применен к факту не такому, какой им предусматривается. Напротив, судья добросовестно исполнит закон, оградит его от нарушения, если снимет обманчивую маску, обнаружит волка под овечьей шкурой... Суд не исполнил бы своей истинной задачи, если бы недобросовестность и неправда не боялись его. Именно в возможности оказать защиту обиженному и обманутому - и сделать это в ограждение святости закона - заключается великая привлекательность судейской деятельности, вдохновляющая судью на его тяжелый труд" ("Отчет", т. I, стр. 238 - 239). Боровиковский учит судебному творчеству на почве индивидуализации жизненных отношений и борется с формализмом и преклонением перед буквой закона, часто встречающимся в шаблонном русском правосудии, но решительно покинутым на Западе Европы, особенно после появления гражданских кодексов Германии и Швейцарии. В 3-м в. "Отчета", посвященном "делам мужичьим" (подзаглавие выпуска), Боровиковский учит истинным началам нового процесса, находящим теперь, после его смерти, общее признание на Западе Европы. Здесь он отстаивает прежде всего широкую гласность, требуя публичного совещания судей при постановлении решения и порицая обычай решать дело, не выходя из совещательной комнаты в залу заседаний, когда нет ни сторон, ни публики. Затем он обстоятельно разъясняет истинный смысл устности и состязательности процесса. Закон, по убеждению Боровиковского, предполагает, что "стороны знают, какие имеются доказательства их прав, и сумеют эти доказательства представить, а если какими-либо доказательствами они воспользоваться не пожелают - это их дело: каждый волен защищать свое право лишь в той мере, в какой желает". Но такое положение не означает безучастия судьи в деле состязания сторон; судье недостаточно иметь лишь "терпеливый нрав". "Нет, судья, - говорит Боровиковский, - отличай нежелающего от неумеющего. К нежелающему будь равнодушен, а неумеющему помощи. Это святая обязанность судьи. Оставаться безучастным к желающему, но не умеющему защищаться - это не состязательность, а неправосудие. Правосудие должно склоняться в пользу того, кто прав, а не того, кто лучше говорит, кто смысленнее и хитрее" (в. 3-й, стр. 27). Эти и им подобные мысли у Боровиковского - не плод теоретического изучения; теорий он совсем не касается в своих трудах. Перед нами плод самостоятельных размышлений вдумчивого и гуманного судьи-самородка, проверенных богатым судейским опытом. В ряде судебных решений, составленных Боровиковским и приложенных к сборнику, автор показывает на деле, что проповедуемые им начала осуществимы и в условиях русской действительности. Решения по делам семейным и мужичьим с особенной рельефностью рисуют осуществимость идеалов Боровиковского, но проповедуемыми им началами проникнуты и многочисленные решения по другим вопросам, трактуемым в сборнике: о чиншевом праве (блестящий этюд), о третьих лицах в процессе, давности и др. Кроме названного сборника, Боровиковскому принадлежит ряд статей по вопросам гражданского права и процесса, напечатанных в старом и новом "Журналах Министерства Юстиции", в "Журнале Гражданского и Уголовного права" и др. (перечень см. в библиографическом указе Поворинского), а также этюд "Женская доля по малороссийским песням" (СПб., 1879). Русская судебная практика обязана Боровиковскому не только разъяснениями ее задач и идеалов, не только образцами высокого судебного творчества, - ему